

Возможно, вначале он действительно испытывал к нему чувства уважения, особенно на фоне своего никчёмного родного сына, который во всём уступал Сунь Биньцзы. Но в какой-то момент его чувства к этому приёмному сыну стали настолько сильными, что он не мог их выразить. Убить Сунь Биньцзы для него было равносильно вырвать кусок собственного сердца.

Дуань Яньчэнь молча смотрел на Ван Сыдао. Этот человек был жесток и беспощаден, он мог без колебаний убить кого угодно, и если бы потребовалось, он бы без сожалений отправил на смерть даже своего распутного и глупого сына Ван Цзинчжи. В этом мире были только два человека, которых он никогда бы не предал: первый — это «младший сын покойного императора», который мог вознести его на вершину власти, а второй — этот самый «приёмный сын». Чувства Ван Сыдао к этому юноше были крайне загадочными.

Время текло медленно, в полумраке комнаты все интриги и заговоры скрывались в тени, а свет свечи отбрасывал мрачные тени на морщины его лица, словно грязь, скрывающаяся в тёмных уголках, раскрывая неприглядные тайны.

После чашки чая они оба получили приказы и ушли, оставив Ван Сыдао, погружённого в кресло. Его злобные глаза сузились в щёлочки:

— Му Цинфэн, ты, наконец, показал свои клыки!

Му Цинфэн умылся и вытер руки. На столе стояла чашка свежезаваренного чая с жасмином, а в курильнице горел благовоние, способствующее сну.

Даже в невзрачной гостинице князь И сохранял свой аристократический стиль.

Чжоу Пин подал ему белоснежный платок:

— Ваше высочество, мы уже в пути пять дней. Снаружи идёт дождь, завтра дорога будет грязной и труднопроходимой. Может, остановимся на день?

Му Цинфэн взял платок и вытер лицо:

— Хорошо.

— Молодой господин Вэньсинь ушёл после ужина под дождём, — добавил Чжоу Пин.

Му Цинфэн хмыкнул, внезапно вспомнив, что Гу Шаобай с тех пор, как спрыгнул с кареты на закате, больше не появлялся. Он спросил Чжоу Пина:

— А где Гу Шаобай? Куда он пропал?

Чжоу Пин, как человек с хорошей интуицией, конечно, понимал, как Му Цинфэн беспокоился за третьего господина Гу:

— Господин Гу всё это время находился в карете с вашими вещами. Во время ужина он взял миску лапши и ушёл в свою комнату.

После того, как Чжоу Пин ушёл, Му Цинфэн не смог сдержать себя и отправился в комнату Гу Шаобая.

Эта гостиница была небольшой. Лучший номер, «А», занимал Му Цинфэн, следующий, «Б», был у Вэньсинь, которая, хотя и была лишь его приближённой, всё же имела определённый статус. Гу Шаобай же, как гость, поселился в номере «С».

Однако, кроме номера «А», все остальные комнаты были крошечными. Их можно было убрать, но площадь увеличить было невозможно.

Третий господин только что закончил умываться. Он сидел на кровати, одетый в серебристо-серое нижнее бельё, одна нога лежала на колене другой, а босые ноги были белоснежными.

В одной руке он держал книгу с историями, которую взял у слуги, а другой клал в рот кислую конфету, смакуя её. Это были те самые конфеты, которые ему купил владелец кареты «Ши Сань», и он не мог съесть их все сразу.

Му Цинфэн некоторое время стоял у кровати, наблюдая за ним. Серый полог кровати скрывал половину его фигуры, и только когда свеча заколебалась, Гу Шаобай заметил, что в комнате появился ещё один человек.

Он резко сел, чуть не выронив конфету, сглотнул сладкую слюну и произнёс:

— Ваше высочество... как вы сюда попали?

Му Цинфэн молча сел на край кровати. Гу Шаобай тут же подвинулся, мечтая пройти сквозь стену!

Чтобы удобнее было есть и читать, третий господин закатал рукава выше локтя, обнажив гладкую и бледную кожу предплечья. Взгляд Му Цинфэна остановился на его запястье, где чётко виднелся фиолетово-красный след от пальцев, опухший и почти прозрачный, что выглядело пугающе.

Гу Шаобай, следуя его взгляду, посмотрел на своё запястье и хотел опустить рукав, но Му Цинфэн схватил его руку и нежно погладил след:

— Больно?

Гу Шаобай молча покачал головой, но, чувствуя, что это недостаточно почтительно, добавил:

— Ваше высочество, не больно!

Му Цинфэн вышел из комнаты, хотел найти Ли Чжишаня, но вспомнил, что тот уже был отправлен вперёд в столицу. Тогда он приказал Чжоу Пиню принести немного лечебного масла.

Он налил немного масла на ладонь, растёр его до тепла и начал массировать запястье Гу Шаобая. Давление было сильным, и лицо третьего господина сморщилось, как спелый помидор. Он терпел долго, но, наконец, не выдержал и с трудом произнёс:

— Ваше высочество... полегче... а то умру...

Му Цинфэн посмотрел на него:

— Разве не говорил, что не больно?

Хотя он продолжал массировать, но давление ослабло.

Это лечение было настоящей пыткой. Только что вымытое тело Гу Шаобая снова покрылось потом, а из его рта вырвалось несколько тихих стонов.

Му Цинфэн вдруг остановился, его глаза загорелись, дыхание стало учащённым и горячим. Эти стоны звучали слишком... двусмысленно, почти как во время близости.

Гу Шаобай, похоже, тоже почувствовал изменения в его состоянии. Он молча отнял руку и, смущённо отвернувшись, начал считать плесень на серой стене.

Его подбородок резко защемило — два пальца схватили его и повернули лицо. В его глазах отразилось лицо Му Цинфэна, невероятно красивое и строгое.

Гу Шаобай, глядя на него своими ясными глазами, сдержанно произнёс:

— Уже поздно... Ваше высочество, пожалуйста, уходите!

Му Цинфэн, не отрываясь, смотрел на него и вдруг тихо сказал:

— Я люблю тебя...

— Вы также любите молодого господина Вэньсинь... — Гу Шаобай опустил глаза, в которых плескались волны.

Му Цинфэн ответил:

— Ты не понимаешь...

Гу Шаобай тут же добавил:

— Ваше высочество, я не хочу понимать...

Он слегка толкнул Му Цинфэна, не сильно, но этого хватило, чтобы оттолкнуть его.

Он чувствовал, что если сегодня всё не прояснится, то эта роковая связь никогда не закончится. И его тело, и мысли, словно дикий конь, готовы были вырваться из-под контроля. Он не мог позволить этому случиться!

Гу Шаобай сел прямо, глядя ему в глаза, в которых читалась крайняя сдержанность:

— Ваше высочество, раз уж мы заговорили об этом, позвольте мне сегодня всё высказать. Если что-то не так, прошу прощения!

Му Цинфэн, видя его искренность, перестал шутить.

— Ваше высочество, Шаобай знает, что дело с поддельными лекарствами привело к тому, что ваш дед пострадал без вины, а последующие смерти ваших родителей также связаны с этим. В то время единственным соперником вашего отца был князь Юй, и вы, естественно, считали, что это он стоит за всем. А семья Гу, как императорские купцы, опиралась на князя Юй. Более того, семья Гу начинала как фармацевты, и, будь я на вашем месте, я бы тоже подумал, что семья Гу причастна...

— Шаобай не может изменить то, что уже произошло, но, будучи сыном семьи Гу, хоть и не могу помочь отцу и братьям в делах, я всё же хочу сохранить свою семью. Признаюсь, Цзя Фань — это я. Я случайно встретил вас в Префектуре Аньян и последовал за вами. Тогда мне просто было любопытно...

— После всего, что произошло, вы знаете, что это уже не я контролировал ситуацию, а вы...

Голос Гу Шаобая дрогнул, глаза покраснели.

— Независимо от того, верите ли вы мне, я действительно хотел спасти вас...

«Это не было связано с семьёй Гу, просто потому что вы были тем, кого я любил!»

— Позже, я попросил вас написать письмо, и в этом была моя личная выгода. Князь Юй пал, и семья Гу больше не имела поддержки. «Дерево, выделяющееся среди леса, будет срублено первым». Многие завидовали статусу семьи Гу как императорских купцов, и, возможно, однажды вы бы тоже решили расправиться с нами. Я... я был вынужден так поступить...

Он встал босыми ногами на пол, спина прямая, словно только это могло поддержать его душу, ясность мыслей и эмоций.

— Обмануть вас — моя вина... Ту любовь вы можете считать обменом. Цзя Фань, возможно, испытывал к вам чувства, но, как и в том письме, Цзя Фань уже исчез, как журавль, улетевший вдаль. Наши пути разошлись, и не стоит принимать это всерьёз...

Пальцы Му Цинфэна, спрятанные в рукавах, сжались так сильно, что на ладонях появились следы. «Что значит «пути разошлись»? Что значит «не принимать всерьёз»?»

<http://bllate.org/book/16730/1538804>